

ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ И НЕБА

Александр Серафимович Логвинов – замечательный русский поэт и учёный-филолог. В этом году ему исполнилось бы 80 лет, и есть причина для грусти в связи с его отсутствием среди нас, но это и хороший повод ещё раз порадоваться его вкладу в дело развития литературы. Он один из тех, кто долго будет жить в сердцах любителей и знатоков поэтического слова. Я не литературовед, поэтому оставляю оценку его творчества за специалистами, которые глубоко в этом разбираются; лишь замечу, что уже много лет не вижу серьёзного критико-литературного обзора тем книгам, которые написали ныне здравствующие орловские поэты и прозаики. В этом отношении – полная свобода у них, какая бывает у беспризорников.

Не хочу трогать болезненное место (рассыпалось некогда целое на части в виде общественных писательских организаций), хорошо, что Дом литераторов в Орле ещё как-то своими силами присматривает за молодой талантливой порослью. А посмотришь вокруг внимательнее – запечалишься. Если не ошибаюсь, то последний, кто сделал широкий обзор поэтическим сборникам, был как раз наш юбиляр, я имею в виду его взгляд на творчество приокских поэтов. Но ведь это было в советское время.

С давних пор мы звали друг друга по имени. Он для меня был и остаётся просто Сашей, и в это слово я вкладываю всё тепло своего краткого воспоминания о нём, а на большее в данном альманахе рассчитывать не приходится. Мы с ним случайно познакомились в орловском пединституте: он учился на историко-филологическом факультете, я на историческом. По окончании института, каждый из нас занимался своим делом. У него был свой жизненный путь, и он сразу же зарегистрировал свой брак со словесностью, а я жил с литературой в «гражданском браке», а в «ЗАГС» она привела меня лишь в 1996 году, когда стал официально членом СП России. С этих пор и началось наше тесное общение на основе общих творческих интересов.

Он, как и я из поколения «детей войны», чьё вхождение в жизнь проходило в очень трудных условиях, когда не хватало самого необходимого: пищи, одежды, жилища, тепла и многого чего другого. С малых лет мы впитывали в себя не только безобразие, оставленное войной, но и красоту чувств народной гордости за великую Победу. Саша рано начал трудиться и рано взрослеть. Об этом свидетельствует его стихотворение, посвящённое своему отцу и бригадиру – дяде Мише:

*Мне восемь лет,
Не очень, правда, много,
Я хил и мал,
Я холоден и бос,
И на лице скрестились брови строго,
Хотя до строгости
Я так и не дорос.*

*Но что же делать,
Если в доме много
Круглоголовых
Русых малышей,
Когда отец
От печки до порога
Бредёт под стук
Горбатых костылей.*

*А здесь, о водяных преданья дышат,
И вот
За весь живой и вымышленный мир
Всего лишь трудодень
Мне ставит дядя Миша
Суровый и всевластный бригадир.*

*В душе вскипала тайная обида:
Таким лихим я конником скакал,
А он мне трудодень
За это выдал,
И никаких особенных похвал.*

Когда говорят, что человек сам себя вывел в люди, это не всегда так. Не надо забывать, что государство делало в те годы всё возможное, чтобы послевоенная молодёжь училась и прочно вращалась в жизнь. Особенно заметно это было в городах. Сельским жителям из-за более низкого уровня жизни шагать в ногу со временем было намного труднее, поэтому Саше Логвинову приходилось много работать над собой, чтобы выглядеть достойно среди городских студентов. Упорства ему было не занимать. В итоге парень из сельской глубинки стал настоящим поэтом и кандидатом филологических наук, и здесь вполне уместно сказать, что он сделал себя сам. В поэзии, как и в науке, без творческих мук и волевых усилий нечего делать.

Коллектив орловских писателей тогда состоял в основном из людей довоенного времени, с детства знающих цену хлеба и доброго слова. Каждый из них видел в судьбе Логвинова невольно и себя – того вечно голодного подростка с открытой и любознательной душой. Поэтому при встречах всегда тепло улыбались ему. Саша и сам излучал тепло в силу своей неподдельной любви к людям. Про таких обычно говорят: отзывчивый, покладистый, доброжелательный. Безусловно, это относится к нему, а ещё он мне казался человеком без углов, каким, например, является гранитный голыш, обкатанный морскими волнами, – крепкий своей скрытой сутью. «Человек без углов» – вовсе не бесхребетный, нет. В принципиальных вопросах Саша умел отстаивать свои взгляды, и в тоже время крестьянским умом осознавал всю сложность человеческого бытия и не выставлял наружу углы своего характера, поскольку писатель всегда миротворец, понимающий душу народную, и знает, какие страсти в ней бывают жизненно важными, а какие мелочными. Именно поэтому с ним было легко общаться. Он никогда не выходил из народа, в отличие от космополитов – этих, по определению Виссариона Белинского, «беспачпортных бродяг в человечестве». Такие и сегодня высокомерно относятся к литераторам, которые пишут с болью о проблемах сёл и деревень. За это называют их «плакальщиками», лишая тем самым даже самой возможности сердечно выразить свои чувства к гибели традиционного сельского уклада жизни. Видимо, полагают, что надо идти вперёд, не проронив слезинки и не оглядываясь на родные погосты. У этих «бродяг в человечестве» слово «комфорт» не сходит с уст. Забывают, что к какому бы комфорту человек ни стремился, а хлеб вырастить надо, иначе он будет горьким, ведь только любовь к родной земле возвышает человека.

Мы привыкли считать себя частицей народа. Оказывается этого мало. В одном из стихотворений Логвинова есть такие строчки:

*Пусть предо мною бездна бытия,
А надо мною властвует природа,
Я тем могуч, что не частица я,
А дух и память своего народа.*

Он не согласен быть только частицей. Это не поза, а честная позиция поэта. Он действительно вобрал в себя дух и память народа, хорошо знал его заботы и нужды, с горечью подчёркивал свою неразрывную связь с деревней, даже с её оврагами. Порой сообщал друзьям: «Еду на выходные дни в свои овраги!» Или: «Ездил в свои овраги, только что вернулся». В шутку мы называли его «овражным человеком», хотя на самом деле он был человеком земли и неба.

*Не то, чтобы деревня
Всегда одна жила во мне,
Но это поле, лес, деревья,
И паутина на стерне.
И боль покинутого дома,
И лиловатый чернозём,
И все, что с детства так знакомо,
Что малой родиной зовём, –
Во мне отныне и до века,
И от чего уж не уйти,
Где мне виднее человека
И вехи нашего пути.*

«Где мне виднее человека и вехи нашего пути». Так ёмко может сказать только настоящий поэт. В городах-муравейниках человека разглядеть намного сложнее, он в них теряется и даже изменяются его природные черты. Вот почему он осмысленно замечает: «Как печальна к закату Земля, как тревожны бегущие тени» И вдруг делает неожиданный, онтологический вывод: «То ли был на Земле человек, то ли это приснилось Вселенной». В другом стихе уверенно говорит: «И миг, и вечность слиты воедино». «Всё временно в поре любой. И только небо вечно надо мной».

С ним было интересно разговаривать. Как-то, заметил мне: «У тебя в одном стихотворении есть строчки: «Вдоль оврага деревня – пять домов с двух сторон. Засыпают деревья, сбросив золото крон». И у меня: «Пять дворов моя деревня, а деревне тыща лет» И ещё: «Тополя, ракиты, ива, пять дворов, колодец, пруд».

И шутя, говорит: «Мы с тобой здесь, словно сговорились!». Потом вспомнил для полноты картины ещё один пример: «Был у нас хороший поэт Игорь Крохин, царство ему небесное... У него тоже число «пять» упомянуто в стихотворении «Гнездовье», послушай:

«А как она живёт, моя Найдёнка, где из пяти – дымит одна труба. Снесут её – кому нужна хатёнка? – и огород распашут под хлеба».

И грустно заметил: «Видишь, это уже при советской власти начали ликвидировать деревни, посчитав их бесперспективными».

И вспомнился мне писательский съезд в Орле 25 мая 2004 года, когда по завершении его в ресторанном зале «Агрокомбината» был организован губернатором области Е.С. Строевым прощальный вечер. Столы ломались от питья и закусок. Участники съезда, хозяева и гости говорили заздравные речи. Сыпались слова благодарности за хорошую организацию съезда, и выражалась надежда на изменения к лучшему в писательском труде. Потом литераторы свободно общались друг с другом, покинув столы. Когда обстановка стала совсем непринуждённой, Саша потянул меня к классику русской литературы Василию Ивановичу Белову, стоявшему возле балкона в одинокой задумчивости, в некой отрешённости от происходящего вокруг. Поздоровались. Было видно по его приветливым глазам и улыбке, что Сашу он ранее знал, во всяком случае, где-то они встречались. Оба небольшого роста и с белыми бородами, словно два брата. После короткого, малозначащего разговора, Саша спросил Белова: «Как вам всё это?» – и широким взмахом руки обвёл гудящий голосами зал. Наверное, он ждал похвалу за богатое застолье, а вышло совсем неожиданное – Василий Иванович

так польхнул народным ходовым словечком, что вся надежда на этот счёт улетучилась. На мой взгляд, не выдержала душа Белова смотреть, как быстро уничтожаются продукты нелёгкого крестьянского труда в то время, когда народ был грубо обворован и живёт не сытно.

И Саша своей чувствительной душой это понял. Он тоже смотрел на привычные вещи глубже других, считал, что поэт ценен не количеством изданных книг, не премиями и званиями, которыми его награждают, а тем свежим и честным словом, пусть и не громким, что вносит он в общее дело литературы.

Незадолго до своей кончины он рассказал мне, как ему в молодые годы неоднократно приходилось сдавать колхозное молоко на молокозавод, а это, по его словам, не совсем обычная работа, – везёшь в телеге фляги с молоком по грунтовой дороге верст десять в любую погоду. Например, в дождь, когда лошадь сама везёт тебя привычной дорогой, а ты просто сидишь под брезентовой накидкой и видишь лошадиный круп с хвостом, и со стороны не сразу поймёшь, мужчина сидит на телеге или женщина? Бывали случаи, когда возчик заезывался на скользком пути, и лошадь опрокидывала повозку. Хуже всего были поездки в летнюю жару, когда молоко во флягах прокисало, а такую продукцию молокозавод не принимал, и молоко надо было везти назад, за что от председателя колхоза был обеспечен хороший нагоняй. В этом месте рассказа он с переживанием вопрошал неизвестно кого: «И куда я кислушку дену?» – тем самым давая понять, какая ответственность ложилась на него, как на возчика-сдатчика колхозной продукции. На эту тему он собирался что-то написать, но так и не успел, и решил я написать об этом стихотворение. Оно помещено в моём сборнике «На своём берегу»:

«КУДА КИСЛУШКУ ДЕНУ?»

Памяти Александра Логвинова

*Небо чистое и звонкое –
Ветры тучи подмели.
Долго едет пароконка,
Ни единой колеи.
Ни райцентра, ни столицы,
Пункт приёма далеко.
За спиною у возницы
Ряд бидонов с молоком.
А мужик ли, баба-дура?
Ну, конечно же, не те.
Просто некая фигура
В пароконке при кнуте.
Долго едет по оврагам,
Васильковский дремлет мир.
Жарко, тряско, и во флягах
Образуется кефир.
Зачерпни из фляги кружкой –
Кислый дух ударит в нос.
Не кефир? Ну, пусть кислушка,
Кто ответит за привоз?
«Эх, Рассеюшка ты наша,
Черногрязка – боль села...»
Что-то мне бормочет Саша
Про колхозные дела.*

*Чуял он делам измену,
Стуки дьявольских копыт...
«И куда кислушку дену?»
Сердце мне строка саднит.*

Сборник его стихов «Окоём», изданный в 1995 году, серьёзный, удачный. И хотя больше ничего потом не последовало при его жизни, тем не менее, неоспоримо считалось, что как поэт Александр Логвинов вполне состоялся. Это не значит, что он перестал писать, нет, свою новую рукопись начал готовить неспешно, взвешивая каждую строчку. Иногда звонил, просил послушать два-три новых стихотворения, потом спрашивал: «Получилось, нет?» Он и сам любил слушать стихи своих товарищей по перу.

О своем здоровье говорил с прямоотой обречённого: «Пойми, все свои болячки я знаю, врачи здесь бесполезны, мне осталось немного...» Помню последний разговор с ним, когда он рассказал о своём детстве, в 12 лет:

– Я тогда овец стерёг и кроме Ивана Сергеевича никого не знал.

– Тургенева? – попытался шутливо уточнить я.

– Нет, не его, и не председателя колхоза, а барана, которого вся деревня уважительно так звала. Умнейший баран! Рога огромные, закрученные, борода седая, походка степенная, сам матёрый, одним словом – вожак! Овцы без вожака бестолковые, лезут куда зря – смотри да смотри за ними. Так за день набегаешься, что ног своих не чуешь. Однажды овца окотилась – трёх ягнят принесла. Лежит с ними перед ручьём, а стадо идёт прямо на них. Я запаниковал – затопчут ягнят моих, беда! Кричу, как оглашённый: «Иван Сергеевич, роденький, миленький – стой! Стой, я тебе хлебушка дам, стой!» Остановился вожак, и всё стадо остановилось. Я кое-как обтёр ягнят от слизи, и перенёс их на другую сторону ручья. А как иначе? – я же отвечаю за деревенское стадо. Отарой – это где-то называют, а у нас – стадо, общее оно, а чьи ягнята – разберутся потом. И ещё был случай, когда после фильма «Тарзан» я проспал свою смену, вернее меня напарник вовремя не разбудил. Сам проснулся, выскочил за околицу, гляжу, а стадо движется напрямик к ближайшему огороду. Это же сущий разбой, – голову за такое снесут. Бегу навстречу овцам, кричу, умоляю: «Иван Сергеевич, миленький, стой!» Опять пообещал его хлебушком одарить. Дошла моя мольба до ушей барана, остановился, смотрит на меня выжидательным взглядом, аккуратно в 100 метрах от огорода.

– Угостил его хлебушком? – спрашиваю Сашу.

– А как же? – всегда держал в кармане. И сам пожую, и с Иваном Сергеевичем поделюсь. Мы же вместе на работе. Помощник мой с умом был...

Его воспоминание о детстве – это возвращение в родные истоки. Вскоре земной круг русского поэта Александра Логвинова замкнулся. Светлая память о нём продолжает жить в наших сердцах.

Михаил ТУРБИН